

ЗВУЧАЩИЕ ЗЕРКАЛА

Н.А.ХОЛИНА*

В качестве теоретической рамки для осмысления собственной психоаналитической работы позвольте осветить интересующие нас в связи с излагаемым случаем подходы к проблеме образа зеркала.

Со времен Фрейда существуют две линии в рассмотрении вопроса о природе и происхождении образа зеркала. Фрейд отдавал несомненное предпочтение пониманию процесса отражения в межличностных отношениях как имеющего нарцисстическую природу. Наряду с этим он отмечал и диалогическую природу образа зеркала (*Freud, 1920*). Лакан считается одним из продолжателей первого взгляда на природу нарциссизма. Такие аналитики, как Эриксон, ориентирующиеся на идеи социальной психологии, развивали второе направление.

На определенных этапах психотерапевтической работы особенно созвучными предлагаемому случаю были отчасти дополняющие друг друга взгляды Лакана и Кохута на проблему образа зеркала. Для изложения этих взглядов мы обращаемся к книге Х.Томэ и Х.Кехеле «Психоаналитическая практика» (*Thomae, Kaechele, 1992*).

«Фаза зеркала (отражения) может быть понята, согласно Лакану, как фаза в развитии индивида, в интервале между шестью и восемнадцатью месяцами. Хотя ребенок еще находится в состоянии беспомощности и моторной некоординированности, в воображаемом плане он предвосхищает возможность постигнуть собственное телесное единство и овладеть им. Это воображаемое объединение происходит посредством идентификации с двойником как с целостным гештальтом. Лакан ссылается на этот момент торжествующего присвоения образа как на типичную ситуацию, отражающую символическую матрицу, в которой выражена первичная форма Эго. Кохут проследил перенос отражения до потребностей, направленных на Я-объекты. Я-объекты – это объекты, которые мы воспринимаем как часть самих себя.

Существует два типа Я-объектов: те, которые реагируют на

* *Холина Наталья Аркадьевна* – психотерапевт, член Московского психоаналитического общества, преподаватель кафедры детской психологии МГПУ.

врожденные чувства ребенка (одушевленности, размера и завершенности) и подтверждают их, и те, на которые ребенок может смотреть с уважением и идентифицироваться с их воображаемым спокойствием, непогрешимостью и всемогуществом. Первый тип объектов характеризуется как зеркальный Я-объект, а второй – как идеализированное родительское имаго. Недостаточное взаимодействие между ребенком и его Я-объектами ведет к формированию искаженного Я. Приступая к психоаналитическому лечению, пациент, чье Я было искажено, вновь активизирует потребности, оставшиеся неудовлетворенными из-за недостаточного взаимодействия между формирующимся Я и Я-объектами более раннего периода жизни, и тогда развивается Я-объектный перенос.

В отношении терапевтической техники существенно, чтобы Я-объекты и соответствующий перенос выполняли функцию подтверждения. Признание и принятие другим человеком является общим знаменателем, объединяющим разные психоаналитические школы, независимо от их вторичных различий» (*Thomae, Kaechele, 1992*; перевод М.Аграчевой).

На этом позвольте закончить вступление и перейти к рассмотрению и обсуждению материала случая.

Пациентка – молодая женщина, художник по образованию, не замужем, единственный ребенок в семье. К началу терапии (продолжавшейся 5 лет) жила с родителями, практически не зарабатывала себе на жизнь.

После первичного интервью мы договорились о лечении. Сеансы, по желанию пациентки, проходили раз в неделю, лицом к лицу.

Пациентка была недовольна своей внешностью и фигурой, временами, казалось, ненавидела свой образ. Она жаловалась на сложности в отношениях с людьми, страдала от одиночества и отсутствия сексуальных отношений с мужчинами. Ее тяготила зависимость от энергичной авторитарной матери. Пациентка так описывала свою семейную ситуацию. Отец и дочь – оба – страдали от агрессивных вспышек матери и ее панических состояний, возникавших в сложных жизненных ситуациях. Отец не старался защитить дочь от постоянного недовольства и частого гнева матери, он обычно принимал сторону матери.

Наши встречи долгое время были посвящены многочисленным снам пациентки, которые она приносила, и чрезвычайно обильным изобразительным ассоциациям. Это напоминало то ли осколки разбитого зеркала, в которых мелькали разрозненные картины прошлого, то ли кусочки мозаики, так и не составленные в единое целое. Казалось, что этот калейдоскоп искусно выполненных фрагментов является защитой и отодвигает начало детального исследования осколков.

В это время у меня было ощущение, что я не принимаю большого участия в нашей работе. Я понимала, что таким образом мне передавалось

одиночество пациентки.

Одной из постоянных тем анализа постепенно стали ее занятия живописью.

Со временем стало ясно, что эти занятия, являясь важнейшим аспектом внутренней жизни, вместе с тем несут на себе отпечаток симптома. Творчество, с одной стороны, уводило пациентку от реальных отношений с людьми, позволяя надолго погружаться в свой воображаемый мир, часто со слабой надеждой вынырнуть обратно. Нередко ей трудно было как начать, так и закончить свою работу; картина, казалось, требовала постоянного улучшения. Но, с другой стороны, живопись приносила ей удовлетворение, впервые давала возможность выразить свой взгляд на мир.

Оказалось, что живопись может выступать для нее как некое зеркало бессознательного, новый источник самопознания. Всматриваясь в это зеркало, она поняла, что живописные полотна и сам процесс работы дают постоянную пищу для размышления.

Выяснилось, что трудности в предъявлении своих работ другим отчасти связаны со страхом предстать перед взглядом другого и получить оценку. Живописное зеркало вдруг становилось звучащим, отвечающим, когда работу видели и оценивали другие.

Однажды во время сеанса у меня появилась ассоциация с волшебным, говорящим зеркалом из пушкинской «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях»:

*«Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи,
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»*

Таким образом, аналогия с содержанием сказки пролила дополнительный свет на развитие отношений переноса и контрпереноса в терапевтической ситуации, а также на линию борьбы и соперничества в отношениях матери и дочери в семье пациентки. В это же время появился сон пациентки, разворачивающийся в рамках сюжета сказки «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», где, как известно, мать заменяется ведьмой, желающей известить детей.

Работа в этом направлении показала, что в жизни при сближении с женщинами пациентка занимала либо конкурирующую, либо зависимую позицию и чувствовала себя либо агрессивной, либо подавленной. Ее интерес к мужчинам сталкивался с сильным внутренним сопротивлением. Она с удивлением обнаружила, что мужчины, к которым она чувствовала влечение, заведомо оказывались неподходящей парой.

Она выбирала таких людей, которых эмоционально ощущала как «гадких, низких, грязных» и, наряду с сексуальным влечением, испытывала отвращение к ним.

В повседневной жизни пациентка всегда была «на сцене». В по-

стоянном напряжении она была вынуждена развлекать и удивлять окружающих, иначе она чувствовала себя несуществующей для других. Постепенно она осознала, что нуждается в эмоциональном зеркале, которым является отношение других, чтобы чувствовать себя живой, существующей.

На каждом сеансе пациентка в той или иной степени вновь переживала отвержение образа своего тела и внешности. Эти тягостные переживания стали нам более понятны в свете раскрываемых детских отношений с родителями. Мать испытывала постоянное желание переделать, улучшить своего ребенка. Отец неодобрительно относился к «неуклюжести» девочки.

Оказалось, что с началом психотерапии пациентка несколько раз пробовала начать работу над автопортретом. Но все попытки оканчивались неудачно.

Казалось, отсутствует внутреннее зеркало, призванное проявить телесный облик. Попытки получить внешнее отражение образа тела постоянно проявлялись на наших сеансах. Ей важно было знать мое мнение о ее внешности и фигуре. Мне нелегко было следовать правилу психоаналитической нейтральности, так как невозможность получить в детстве подтверждающее, принимающее отражение, по-видимому, была одним из основных травмирующих факторов развития пациентки.

Способность пациентки к регрессии в терапии привела нас к ситуации ее ранней детской фрустрации при попытке идентификации с образом фаллической матери. Важным событием в нашей психотерапевтической работе, проявившим эту ситуацию и знаменующим новый этап психотерапевтических отношений, стало появление следующего сна.

Этот сон я связываю с попыткой осознания фрагмента детского автопортрета, написанного отчасти с портретов матери и отца. Мы можем познакомиться со сновидением, представленным пациенткой.

«Аллея, елки, деревья. Я около осенней елки с Филоновой. С елки сыпалась паутина, мусор. Пришла Света. Идет еще девица неприятная. Шла в клетчатой куртке, в руке держала рыбу круглую, темно-коричневую. Похожа на кокосовый орех со щупальцами или зубьями. Как замша, сухая и шершавая. Глаза были, как дырки. Глаз не было – дырки. Я посмотрела на рыбу, и мне тошно стало. Все – «Смотри, какая рыба». Я – «Не надо, не надо». Все – «Ой, ой, какая хорошая». Я – «Как же они все наоборот говорят».

Опираясь на содержание сновидения и ассоциаций, на их эмоциональную окраску, мы можем отнести этот сон к сновидениям, «воспроизводящим воспоминания о психических травмах детства» (Фрейд, 1991). З.Фрейд, выделяя эту категорию сновидений, говорит, что функцией такого сновидения становится психическое связывание травматических впечатлений.

Обращаясь к сновидению, мы видим, что его населяют женщины, и одна из них, некая неприятная женщина, владелица «рыбы», показывает сновидице эту «рыбу», символизирующую, как становится ясно из ассоциаций, половые органы. Аффективный рисунок сновидения выявляет два кульминационных травмирующих момента в сновидении. Во-первых, сновидицу ужасает демонстрируемый ей объект, во-вторых, она потрясена разницей в восприятии этого объекта ею и остальными женщинами.

Ассоциации пациентки детально развивают основной образ сна и проясняют его аффективную окраску. Они настолько многочисленны, изобразительны и подробны, что создается впечатление рассматривания, исследования, навязчивого изучения представшего объекта. На сессиях, посвященных анализу этого сновидения, казалось, что мы совершаем совместную скрупулезную работу по осознанию болезненного детского представления. Я чувствовала, что пациентка нуждается в том, чтобы я поделила ее переживания, сопутствовала ей в ее исследованиях, оказалась в силах принять и понять вместе с ней ее глубинные аффекты. Ее активность была направлена на «рассматривание себя», она как наблюдатель исследовала себя как объект. Принятие и понимание психотерапевта стало необходимым условием этого процесса самоотражения.

Анализ сна позволил нам провести «историческую или археологическую реконструкцию» символа, так как ассоциации обнаружили принадлежность к разным периодам в формировании бессознательного образа гениталий и аффектов, связанных с этим образом.

Содержание ассоциаций говорит о принадлежности к символическому образу представлений о женских гениталиях и о фаллосе.

Причем интерес и любопытство к новому объекту борются со страхом и отвращением к нему.

Самые ранние представления об объекте, маркирующие, возможно, время происхождения символа, связаны с вопросом одушевленности, с различием «живое-неживое». Обращаясь к материалу, можно увидеть, что «рыба» напоминает «...куски кости, чучело из папье-маше, ракушку, кожу, пластмассу, кокосовый орех, каркас-череп». Анальные представления приносят ощущения грязи, гадливости, отвращения. В ассоциациях этого ряда видна тесная связь половых органов с продуктами дефекации. «Все текло, было грязно. Кафельные полы, серые в воде, загажено. Деньги у меня туда падали... Рыба без щупалец – кокосовый орех. Как кашка». Ощущения страха и опасности усиливаются с появлением генитальной символики. «...Бивень, как у носорога или слона, кажется, что он в тебя вцепится и будет неприятно, в ребра войдет, зацепится».

В ассоциациях обнаруживается и некое суммарное эмоциональное качество, присущее символу гениталий, которое предстает как страх испачкаться и заразиться при половом контакте. При анализе ассоциаций

создается впечатление, что на каждой последующей стадии взросления символическое представление гениталий, оставаясь бессознательным, нагружалось весьма болезненным содержанием, созвучным каждой стадии. Таким образом, этот символ стал вместилищем и хранилищем запутанных, негативных, бессознательных аффектов и представлений.

Возможность осознания травматических аффектов и образов стала ответом на первый вопрос, проявленный сновидением: «Что передо мной?»

Ответом на второй вопрос, тесно связанный с первым, о разнице значений символа «рыба» для сновидицы и других женщин, явилась собственно подробная совместная работа над ассоциациями сна, высветившая и разрешившая конфликт между личным смыслом аффективно окрашенного символа и социальным значением представлений о гениталиях. Можно предположить, что существующие превербальные фрагменты символического представления обрели свое звучание в процессе вербальной коммуникации.

Если обратиться к рассмотрению формальной работы сновидения, можно отметить, что ассоциации, относящиеся к разным стадиям развития, резко дифференцированы, возникают независимо друг от друга, постоянно чередуясь «Все островками» – по словам пациентки. Формальная работа ассоциативного процесса говорит об отсутствии связи разных представлений об объекте. Возможно, слабая интеграция символа, работа ассоциативного процесса, реакции переноса и контрпереноса указывают на регрессию пациентки при ассоциировании на уровень, близкий к фазе зеркала. Содержание ассоциаций также создает впечатление отсутствия единого целого в представлениях о гениталиях,

Мы можем дополнить понимание детской травмы, вновь пережитой в этом сновидении, если рассмотрим его с точки зрения лакановской фазы зеркала. Этот сон может показывать неудачную попытку построения образа собственного тела и соотнесения его с фаллическим материнским отражением. В аффективной окраске символического образа мы читаем неадекватно отраженную мать – анальность пациентки и, в более широком плане, отвержение сексуальности ребенка. Перед нами в ключевом символе сна предстает уходящая корнями в превербальную глубину картина неудачно построенного образа женских гениталий. Благодаря этому сновидению мы имеем возможность исследовать «материнскую матрицу», с которой ребенок соотносит представления о своем теле. В свете этого взгляда становится понятной глубина дисморфофобических проблем пациентки, если связать их с неудачной попыткой идентифицироваться с неясным и пугающим материнским образом. Понадобилось психоаналитическое зеркало, с помощью которого появилась возможность отразить, исследовать и в какой-то мере разрушить прообраз в духе «Медузы-Горгоны».

Анализ этого сна и других, связанных с ним, дал возможность начать осознание и преодоление многих затруднений в жизни пациентки. Работа

над сновидением актуализировала вопрос об идентификации и повела к самоосознанию в более широком смысле.

С течением анализа ослабела необходимость обращаться к многочисленным внешним зеркалам в надежде ощутить себя живой, все отчетливее стал проступать собственный взгляд, увереннее зазвучал свой голос. Переоценка своего образа повела к ослаблению дисморфофобических проблем. Отношения как с женщинами, так и с мужчинами улучшились.

Взросшая возможность осознавать и интегрировать различные фрагменты представлений о себе способствовала построению недостающих звеньев внутреннего зеркала.

Успех в работе над автопортретом показал, что мы подошли к завершению определенного этапа анализа.

ЛИТЕРАТУРА

Кэйсмент П. Обучаясь у пациента. Воронеж, 1995.

Пропп Б.Я. Русская сказка. Л., 1984.

Сандлер Дж., Дэр К., Холдер А. Пациент и психоаналитик. М, 1995.

Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М, 1990.

Фрейд З. Я и Оно. Тбилиси, 1991, т.1, с.162.

Freud S. Beyond the Pleasure Principle. S.E., vol.18, 1920, p.19.

Laplanche Y., Pontalis Y. The Language of Psychoanalysis. London, 1973, p.250-251.

Thomae H., Kaechele H. Psychoanalytic Practice. Berlin, 1992, p.116-119.